

Григорий Файман

Лубянка и Михаил Булгаков

Людвик. Скажи, Справедливый сапожник, государство без доноса существовать не может?

Спр. сапожник. Как можно без доносов?

Людвик. А доносчик?

Спр. сапожник. Ну, это, ваше величество, уже сволочь такая...

Людвик. Гм... Сволочь — красивое слово и звучное.

М.Булгаков. Кабала святош.

Все материалы Центрального архива Федеральной службы безопасности, публикуемые ниже, разысканы сотрудниками Архивной службы ФСБ, рассекречены комиссией и достались автору заметок не в результате борьбы с этой службой, а по обоюдному согласию. Отсюда — степень их достоверности в части полноты каждого документа, количества их и границы домыслов автора... Сказано это с целью, с одной стороны, поблагодарить публично этих людей, а с другой — не считать, что подобная работа закончена. «Придут иные времена...», и следующее поколение исследователей найдет больше и опишет найденное лучше...

1. Киев. 1919 год.

Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней.

М.Булгаков. Белая гвардия.

«27 февраля (12 марта) 1917 года войска в Петрограде отказались стрелять в рабочих и стали переходить на сторону восставшего народа...

Когда весть о победе революции в Петрограде распространилась в других городах и на фронте, рабочие и солдаты всюду стали свергать царских чиновников.

Февральская буржуазно-демократическая революция победила...

Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции.

25 октября (7 ноября) было опубликовано обращение большевиков «К гражданам России». В этом обращении говорилось, что Временное правительство низложено, что государственная власть перешла в руки советов» (История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс. 1938 г.).

21 ноября 1917 года. Ленин: «Мы хотим организовать насилие во имя интересов рабочих».

7 декабря 1917 года. Дзержинский: «Не думайте, что я ищущу форму

Михаил Булгаков.

революционного правосудия, нам не нужно правосудие... Я требую орган революционной расправы с контрреволюционерами».

«По инициативе Ленина 7(20) декабря 1917 года создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), представлявшая собой орган государственной безопасности нового типа, орган пролетарской диктатуры и защиты интересов трудящихся».

В.И.Ленин обосновал необходимость создания ВЧК и внес большой личный вклад в выработку политической линии ее деятельности и определения задач чекистских органов» (Сб. «Ленин и ВЧК». 1975. Предисловие).

Отрывок из письма Михаила Булгакова сестре Надежде под новым, 1918-й год:

Из Вязьмы в Царское Село. 31.XII.1917

«...Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он?

Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...

Придет ли старое время?

Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно, в поездке в Москву и Саратов, мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах...

Все воочию видел и понял окончательно, что произошло.

Идет Новый год.

Целую тебя крепко.

Твой брат Михаил.

P.S. Буду ждать письма».

В 1918 году Булгаков перебирается в Киев и пытается продолжить нормальную жизнь врача в ненормальных условиях гражданской войны... Бесконечные смены властей имели одну общую черту: полное отсутствие заинтересованности судьбами «простых людей» и желание продолжить войну до победного конца. Отсюда — мобилизации и реквизиции. Забирали лошадей и автомобили, увозили ветеринаров и докторов по человеческим болезням. В случае неповиновения — расстрел.

Кошмаром для жителей Киева были бандиты и органы чрезвычайной расправы, существовавшие при всех властях. От бандитов пытались спастись, объединяясь по месту жительства в «самооборону», от контрразведки белых и ЧК красных спасения не было...

В Киеве разгул «чрезвычайек» (их было три — на один город!) — Всеукраинской, городской и уездной — был так велик, что вопли возмущения достигли Кремля.

Один из свидетелей того времени, репортер «Киевского эха», подписавший свои записки «Мих. Б.», рассказывает:

«Последнее, заключительное злодейство, совершенное палачами из Ч.К., расстрел в один прием 500 человек, как-то заслонил собой ту

длинную серию преступлений, которыми изобилвала в Киеве работа чекистов в течение 6—7 месяцев.

Сообщения в большевистской печати дают в Киеве цифру, не превышавшую 800—900 расстрелов. Но помимо имен, попавших в кровавые списки, ежедневно расстреливались десятки и сотни людей.

И большинство этих жертв остались безвестными, безымянными. «Имена их Ты, Господи, веши...» (...)

Несчастные жертвы сводились по одиночке в подвал, где им приказывали раздеться догола и ложиться на холодный каменный пол, весь залитый лужами человеческой крови, забрызганный мозгами, раздавленной сапогами человеческой печенью и желчью...

Красноармейцы во время Гражданской войны.

И в лежащих голыми на полу, зарывшихся лицом в землю людей стреляли в упор разрывными пулями, которые целиком сносили черепную коробку и обезображивали до неузнаваемости.

Многие из заключенных, впрочем, передают о грозе киевской чрезвычайки, матросе Терехове, излюбленном делом которого было — продержат свою жертву долгое время в смертельном страхе и трепете под мушкой, прежде чем прикончить ее.

Этот советский Малюта Скуратов, стреляя в обреченных, нарочно давал промах за промахом и только после целого десятка выстрелов раздроблял им голову последним метким выстрелом. (...)

Горячечно-бредовым пятном представляется дело чиновника Солнцева. Солнцев без всяких улик и оснований был заподозрен в желании взорвать склады снарядов и пороховые погреба в Дарнице. В течение нескольких недель его изо дня в день подвергали чудовищным, бесчеловечным пыткам и истязаниям, в результате которых он сошел с ума. И потом больного, с помутившимся рассудком, умирающего, мятущегося, в последнем градусе сумасшествия, Солнцева расстреляли на виду у группы других заключенных, арестованных по тому же делу...

Молодой студент Бравер, фамилия которого опубликована четырнадцатой в последнем списке, был приговорен к расстрелу в порядке красного террора, как сын состоятельных родителей... (...)

В «работе» чекистов поражает не только присущая им рафинированная, утонченно-садистическая жестокость. Поражает всеобщая исключительная бесцеремонность в обращении с живым человеческим материалом. В глазах заплочных дел масте-

ров из Ч.К. не было ничего дешевле человеческой жизни. По рассказам лиц, побывавших в чрезвычайке, нередко бывали случаи, когда люди расстреливались просто для округления общей цифры за день, для получения четного числа. (...) Имели также место в советских застенках случаи расстрела «по ошибке». (...)

Играя роль «культурных и гуманных» деятелей, Раковский и Мануильский, как передают заключенные, иногда пытались сдержать кровавый пыл чрезвычайек, но Лацис, игравший роль маленького Фуке Тиенвилля и находящийся в неприязненных отношениях с «предсовнаркомом» и его заместителем, стремился всегда идти своей дорогой, принимал меры к тому, чтобы известия об арестах видных в городе лиц не доходили до «совнаркомовцев» и чтобы вынесенные приговоры исполнялись без промедлений в самом ускоренном порядке. (...)

В одной из камер В.У.Ч.К. вместе с «контр-революционерами» и «заклятыми врагами советской власти» сидел инспектор всероссийской чрезвычайки, persona grata, специально присланная Лениным из Москвы для реквизиции чрезвычайек на Украине.

Причиной такого внимания послужила излишняя взыскательность и ревностность, проявленная им при рассмотрении делопроизводства Ч.К., в особенности в деле матроса Пиранова — убийцы Киевского художника проф. Мурашко. «Ревизор» Ленина настоял на расстреле бандита Пиранова вопреки решению Лациса и К⁰, находивших, что элементы вроде Пиранова особой опасности для общества не представляют.

Такого рода линия поведения московского «ревизора», проявленная им в целом ряде дел, была признана нежелательной и даже опасной, и он был временно «изъят из обращения» в целях усыпления излишней пытливости... (...)» (Полностью см. «Конец века», вып.4, 1992).

Даже если эти репортажи и не принадлежат перу М.Булгакова, как предполагает автор, свидетелем всего описанного он был и так же, как другие киевляне, получил прививку от излишних иллюзий...

«А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто...»

Дешевая кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет.

Никто» (М.Булгаков. «Белая гвардия»).

Москва

Продолжение следует.